

Brandner, Aleš

Историческое толкование некоторых явлений современного русского языка

Linguistica Brunensia. 2022, vol. 70, iss. 1, pp. 69-80

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/LB2022-1-6>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/145235>

License: [CC BY-NC-ND 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/)

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Алеш Бранднер

ИСТОРИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

THE HISTORICAL INTERPRETATION ON SOME LINGUISTIC
PHENOMENA OF CONTEMPORARY RUSSIAN

ABSTRACT

In the study of the Russian language, the subject is primarily modern Russian. In practice, however, we often find that some phenomena can be explained only on the basis of knowledge of the historical development of the Russian language. In the history of language, it appears that the guided tours contribute to the conscious learning of the language and indicate that contemporary language norms are the result of a centuries-old process of development. The present article provides a historical interpretation of some of the facts, which is difficult to explain from the perspective of contemporary language.

KEYWORDS

contemporary Russian; historical grammar of Russian; contemporary language standards; language development; historical interpretation; language phenomena

Современный русский язык представляет собой сложную систему связей и отношений языковых фактов, разных по степени обобщенности, в плане структуры, иногда противоречивых и непоследовательных. Система современного литературного языка складывалась постепенно, в течение многих веков, характеризующихся разнообразием исторических условий. В этой системе отражались многочисленные изменения, которые происходили в образе жизни и образе мыслей носителей русского языка (ЯНОВИЧ 2009, 3–4).

Многие современные языковые явления могут быть осознаны и поняты только при условии изучения истории и функционирования в языке прошлых эпох. Иными словами, чтобы понимать закономерности современной языковой системы, надо знать ее прошлое.

В настоящей статье отправной точкой историко-лингвистических толкований являются факты современного русского языка, которые представляют собой аномальные или несистемные явления.

При изучении русского языка предметом является прежде всего современный русский язык. Однако на практике приходится сталкиваться с такими фактами, объяснение которых возможно лишь с помощью знаний исторической грамматики русского языка (ИВАНОВ, ПОТИХА 1985, 3–11). Исторические экскурсы и сравнения содействуют сознательному усвоению изучаемого языка и показывают, что его современные нормы являются результатом длительного процесса развития и совершенствования.

Уже русские лингвисты XIX в. наряду с лингвистическими исследованиями занимались также методикой преподавания русского языка. Они стремились связать преподавание русского языка с его историей (ср.: Ф. И. Буслаев, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.). В качестве примера можно назвать книгу Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844), в которой можно найти интересные материалы из области сравнительно-исторического изучения русских слов и норм (БЕРЕЗИН 1979, 77). Ф. И. Буслаев полагает, что „речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов“ (БУСЛАЕВ 1944, 169). Еще одна его книга «Опыт исторической грамматики русского языка» (1858) имела такое же большое значение для установления норм русского литературного языка, какое имела для середины XVIII в. «Российская грамматика» М. В. Ломоносова. В грамматике Ф. И. Буслаева впервые соединены исторические и описательные начала при рассмотрении русского языка. В ней обобщены все достижения русской грамматической мысли первой половины XIX в. (БЕРЕЗИН 1979, 104).

При отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно быть уделено практической направленности. Надо привлекать такие исторические сведения, которые освещают процесс развития языка, объясняют существующие в настоящее время явления, их происхождение и природу. Их, как правило, трудно объяснять с точки зрения современного языка.

Посредством исторического развития языка можно объяснить некоторые факты в современном правописании. Например, сочетания *жи*, *ши*, написанные через *и*, произносятся твердо. В данном случае речь идет о т. наз. историческом или традиционном написании, так как шипящие *ж*, *ш* в древнерусском языке были мягкими консонантами. Это подтверждается орфографией древних памятников, ср.: *моужь*, *похожью*, *доушя*, *лечю* и т. п. Современная орфография также отражает былую мягкость шипящих *ж*, *ш* и аффрикат *ч*, *ц*, ср.: *жизнь*, *ложь*, *широкий*, *несёшь*, *ночь*, *цифра* и т. д.; такое написание, конечно, противоречат современному произношению. В истории русского языка

ж, ш, ц отвердели, а ч мягкость сохранил (КОПЕЦКИЙ 1979, 32; ИВАНОВ 1983, 235–237; MRÁZEK, POPOVA 2013, 47).

На основании депалатализационных процессов, которые происходили в древнерусском языке и являются до сих пор живым процессом, можно объяснить отверждение мягких согласных перед зубными, плавными и свистящим *ц* (ср.: *токарь* – *токарный*, *котёл* – *котла*, *шатёр* – *шатра*, *царь* – *царский*, *отец* – *отца*). Однако согласный *л* всегда сохраняет свою мягкость (ср.: *вольный*, *сильный*, *палец* – *пальца*, *лёд* – *льда*).

В современном русском языке гласный *е* в положении после мягкого согласного перед твердым под ударением произносится то как *е*, то как *’о* (орфографически – *ё*): с одной стороны, *лес*, *белый*, *снег*, *бедный*, а с другой – *нёс*, *вёл*, *берёза*. Такое различие гласных под ударением можно объяснить тем, что современный звук *е* имеет различное происхождение: в одних словах этот звук является исконным – он произносился в них и в древнерусскую эпоху – таков *е*, например, в словах *нести*, *вести*, *село*, *березняк*; в других словах развился на месте редуцированного *ь* в сильной позиции – таков *е*, например, в *день* (др.-русс. *дънь*), *конец* (др.-русс. *коньць*); в-третьих, наконец, современный звук *е* развился из особого древнерусского гласного – напряженного долгого *е*, обозначававшегося буквой *ь* („ять“), например, *лес* (др.-русс. *льсь*), *снег* (др.-русс. *сньгь*). Приблизительно в XIII–XIV вв. вместо гласного звука *е* в положении после мягкого согласного перед твердым согласным или в конце слова стал произноситься *’о* (в графике *ё*); такое изменение коснулось исконного *е* или того *е*, в который изменился сильный редуцированный *ь*, например, *несь* > *нёс*, *вель* > *вёл*, *береза* > *берёза*, *псь* > *пёс*, *льнь* > *лён*. Такое изменение не произошло у слов типа *лес*, *белый*, *снег*, *колено* и др., потому что в данный период в этих словах был звук *ь* („ять“), ср.: *льсь*, *бьлый*, *сньгь*, *кольно*. Когда позже (не раньше XVIII в.) этот звук по качеству совпал с *е*, процесс перехода *е* > *’о* не был живым процессом, и поэтому слова, которые проникли из церковнославянского языка, произносятся с *е* (ср.: *крест*, *небо*, *жертва*, *надежда*, *падеж* и др.). Однако в некоторых из корней этих слов в современном языке наблюдается также *’о* на месте *е* (ср.: *перст* – *напёрсток*, *крест* – *перекрёсток*, *небо* – *нёбо*, *надежда* – *надёжный* и др.). Произношение *е* без перехода в *’о* под ударением перед твердым согласным наблюдается также в поздних заимствованиях из западноевропейских языков, когда данное изменение не было живым процессом (ср.: *балет*, *момент*, *декрет*, *сквер*, *конверт* и др.). Иначе объясняется переход в *’о* в таких заимствованиях из французского языка, где желательным было имитировать французское произношение [œr], т. е. графическое *-eur* в конце слов, ср.: *монтёр* (< *monteur*), *дирижёр* (< *dirigeur*), *шофёр* (< *chaffeur*), *актёр* (< *acteur*) и т. п. (КОЛЕСОВ 2009, 117–122; АЛЕКСЕЕВ 2016, 56–61).

В результате действия закона открытых слогов в конце праславянской эпохи произошло упрощение групп согласных, что привело к изменению

структуры слов. В силу действия этого закона произошло, например, упрощение сочетания *-бв-*. Это привело прежде всего к выпадению после приставки *об-* звука *в* в начале корня. В результате его выпадения образовались новые корни слов. Таким образом можно объяснить этимологию таких слов, как *оборот* (< **ob-vor-tъ*), *обидеть* (< **ob-viděti* „не желать кого-нибудь видеть“), *обязать* (< **ob-vezati*), *облако* (< **ob-volko*), *область* (< **ob-volstъ*). Однако в современном русском языке есть слова с сочетанием *-бв-*, в которых *б* относится к приставке *об-*, а *в* является начальным согласным корня (ср.: *обвязать*, *обвернуть*, *обвести*, *обвинить*, *обводнение*, *обводной* и т. п.). Эти слова возникли позже, когда сочетание *-бв-* стало возможно по законам фонетической системы русского языка (ЯНОВИЧ 2009, 53–54).

Таким же древним процессом, как упрощение группы *-бв-*, было выпадение согласных *б*, *п*, *д*, *т*, *г*, *к* перед глагольным суффиксом *-ну-*, в результате чего в современном русском языке обнаруживается чередование этих согласных с нулем звука (ср.: *двигать* – *двинуть*, *плескать* – *плеснуть*, *глядеть* – *глянуть*, *блестеть* – *блеснуть*, *трогать* – *тронуть*, *кидать* – *кинуть* и т. п.). Часто допускаются ошибки при образовании видовых форм. Слова с сохранившимися сочетаниями согласных и с упрощением этих сочетаний разошлись или семантически, или стилистически, ср.: *подвинуть что-либо* „слегка двинуть, переместить“ × *подвигнуть к чему-нибудь* „побудить к чему-нибудь“ (ЯНОВИЧ 2009, 54).

Характерной звуковой особенностью русского языка является т. наз. русское (вернее восточнославянское) полногласие, которое проявляется в том, что в исконно русских, по происхождению общеславянских словах выступают сочетания *-оро-*, *-оло-* (*-ело-*), *-ере-* между согласными в корнях слов (ср.: *город*, *борода*, *голова*, *берег*, *молоко*). Почти каждому русскому слову с полногласием можно найти соответствующее однокоренное слово с церковнославянским неполногласным сочетанием *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, ср.: *град*, *глава*, *древо*. Здесь можно обратить внимание на то, что русским словам со звуко сочетанием *-оло-* (*-ело-*) соответствуют церковнославянские слова с неполногласным сочетанием *-ле-* (ср.: *волочить* – *увлекать*, *молоко* – *млекопитающее*, *шелом* – *шлем* и др.). Слова с неполногласными сочетаниями являются, конечно, церковнославянскими, однако многие из них в процессе исторического развития прочно вошли в русский язык, первоначально через церковные книги (КОЛЕСОВ 2009, 56–61). Заимствованные из церковнославянского языка слова с неполногласием носят более отвлеченный, книжный, метафорический характер, чем соответствующие им исконно русские слова (ср.: *царские врата* – *ворота*, *драгоценный* – *дорогой*, *краткий* – *короткий*, *страна* – *сторона*, *глава* – *голова*, *прохлада* – *холод*, *древесина* – *дерево*, *среда* – *середина*, *влечь* – *волочь*, *Млечный путь* – *молоко* и т. п.). Однако нельзя сказать, что данное положение действует без исключения; встречаются выражения без полногласия, имеющие кон-

кретное значение, ср.: *враг, гражданин, младенец, облако* (ЯНОВИЧ 2009, 44). Результаты взаимоотношения русских и церковнославянских слов оказались различными, причем в одних случаях сохранились оба слова, в других одно слово осталось в языке, а второе утратилось. Некоторые неполногласные формы стали настолько активными, что вытеснили старые русские формы с полногласием. Так, например, вместо исконно русских *верема, веред, ворог, хоробрый, солодкий, норов* в современном русском языке употребляются церковнославянские по происхождению – *время, вред, враг, храбрый, сладкий, нрав*. Когда язык сохранил оба слова, происходило их лексическое размежевание, т. е. церковнославянское и соответствующее ему русское слово закреплялись в разных значениях или с разными стилистическими оттенками, ср.: *прах* × *порох, страна* × *сторона, власть* × *волость, глас* × *голос, страж* × *сторож* и т. п. (ИВАНОВ 1983, 51). Вместе с тем большая группа слов бытовой лексики с полногласием в современной разговорной речи церковнославянских параллелей не имеют, ср.: *корова, поросёнок, воробей, борона, колода, сковорода, горох, холод* и др. (ЯНОВИЧ 2009, 44).

В чешской среде полезно сравнивать ситуацию в русском языке с ситуацией в чешском языке. Дело в том, что словам с русским (вернее с восточнославянским) полногласием соответствуют в чешском языке неполногласные формы (подобно как в церковнославянском), ср.: *борода* – *brada*, *волос* – *vlas*, *сторож* – *stráž*, *солома* – *sláma*. Однако в русском и чешском языках встречаются одинаково звучащие формы словоформ с группировкой *-ra-, -la-, -re-, -le-*, которые существовали уже в общеславянском языке, ср.: *травa* – *tráva*, *брат* – *bratr*, *право* – *právo*, *плавать* – *plavat*, *слава* – *sláva*, *ремень* – *křemen*, *кресать* – *křesat*, *клён* – *klen*, *кресать* – *křesat*, *клепать* – *klepat*, *плечo* – *plec* и др.

В современном русском языке встречаемся с такими парами выражений, как *ровный* × *равный, роспись* × *расписать, розыгрыш* × *разыграть, он рос* × *расти*. Здесь следует обратить внимание на то, что эти пары словоформ возникали постепенно в течение исторического развития языка. Речь идет о корнях слов с праславянским началом **ort-*, находящимся под нисходящей интонацией. Эти сочетания изменились еще в древнерусском доисторическом в *rot-*. Исконные формы засвидетельствованы в таких выражениях, как *ровный, роспись, розыгрыш, розыск, розный, он рос*. Однако под влиянием церковнославянского языка, где всякое праславянское **ort-* независимо от интонации перешло в *rat-*, наряду с *ровный, розный* появились также *равный, разный*. Обе словоформы в современном русском языке засвидетельствованы, однако отличаются семантически, ср.: *ровный* „гладкий, прямой“ (*ровная местность*); „равномерный“ (*ровный пульс*); „постоянно спокойный, уравновешенный“ (*ровный характер*); „совершенно одинаковый по величине“ (*ровные доли*) × *равный* „одинаковый, совершенно сходный“ (*равные силы*); *розный, рознь* /разг./ „вражда, ссора“ (*поднялась рознь*) × *разный* „неодинаковый, несходный“ (*разные взгляды*).

Можно привести следующие слова, формы которых возникли под влиянием церковнославянского языка, ср.: *разум, распря, раб* (первоначально содержащие группировку *ро-*). Следует добавить, что церковнославянское влияние предполагается у слов, корень которых находился под ударением. Кроме влияния со стороны церковнославянского языка имело место еще т. наз. аканье. Под влиянием аканья, т. е. под влиянием произношения (в безударном положении), возникли современные формы приставок *раз-//рас-* (исконно *роз- < *orz-* под нисходящей интонацией). Если современная группировка *ро-* сохранилась под ударением, то в безударном положении под влиянием аканья появилось сочетание *ра-*, ср.: *расти* (< *рости*), однако в формах прошедшего времени сохранилось *ро-* (ср.: *рос, росла, росло, росли*). Сюда можно далее отнести, например, *ракита, рассол, рассоха* и др. (исконно везде было сочетание *ро-*). Свидетельством о том, что в указанных словах выступало исконное сочетание *ро-*, является положение в чешском языке, где, как в древнерусском языке, встречается *ro-*, типичное для всей северославянской территории, ср.: *rovný, růst, rosol, rozum, rozličný, rokyta*.

В чешской среде следует также обратить внимание на различный характер сонорных консонантов *м, н, р, л* в русском и чешском языках: русские сонанты в отличие от чешского языка не являются слогаобразующими, так что русские слова, как *Пётр, рубль, литр, казнь, жизнь* являются односложными. Объяснение можно найти в историческом развитии языка. В указанных выражениях после финальных сонантов первоначально стояли глухие гласные *ъ* или *ь*. После их утраты из неслоговых сонантов возникли т. наз. побочные слоги. Например, слова исконно двухсложные стали произноситься как односложные с побочной вершиной звучности на неслоговом сонанте. В чешском языке, наоборот, вершина звучности стала предпосылкой дальнейшего развития. Побочный слог стал слоговым (ср.: *bra/tr, my/sl, pe/kl, o/sm*). В русском языке получилось неординарное последующее развитие: т. наз. побочный слог финального слога или остался (ср.: *Пётр, рубль, жизнь*), или исчез (ср. чешск.: *bratr, nesl* × русск: *брат, нёс*). Различное развитие сонантов в русском и чешском языках привело к тому, что вышеуказанные исконно двухсложные слова в русском языке стали односложными, между тем как в чешском языке они остались двухсложными. Это явление надо подчеркнуть, так как чехи под влиянием родного языка данные слова произносят как двухсложные (MRÁZEK, POPOVA 2013, 38–39).

В парадигмах существительных русского языка в соседстве сонантов в родительном падеже множественного числа у существительных женского и среднего рода и у существительных *pluralia tantum* встречаются вставные гласные (ср.: *сестёр, мётел, грабель, вёдер, тягол, стёкол, барахол*). Из приведенных примеров следует, что после палатализованных согласных выступает гласный *е* (под ударением *ё*), после велярных *о*. Данное явление разви-

лось в связи с тем, что в форме родительного падежа множественного числа указанных слов редуцированный звук выступал в слабой позиции. После его утраты уже в древнерусском языке появились вставные гласные (для удобства произношения). Таким образом получилось вторичное восстановление количества слогов. В чешском языке вставной гласный *e* наблюдается у всех существительных, основа которых оканчивается на группу согласных. Он встречается даже у тех существительных, русские варианты которых вставной гласный не содержат (ср.: чешск. *jisker, jehel, her* × русск. *искр, игл, игр*). Если иметь в виду, что русский язык, в отличие от чешского, не имеет слоговых сонантов, то с точки зрения чешского говорящего ожидалось бы обратное состояние.

В развитии морфологической системы русского языка можно выделить тенденции к унификации форм, процессы упрощения форм словоизменения. Как известно, они активно протекали в истории всех знаменательных частей речи, но определяющими они являются прежде всего для истории имен существительных. В отличие от чешского языка, в современном русском языке у всех родов и типов склонения в дательном, предложном и творительном падежах используются одинаковые окончания *-ам, -ах, -ами*, которые, как известно, по происхождению принадлежат к женским основам на *-а* (ср. чешск.: *ženám, ženách, ženami* × *pánům, městům mořím; pánech, městech, mořích; rány, městy, moři*).

подавляющее большинство склоняемых существительных выступает в единственном и множественном числе. В древнерусском языке, подобно как и во всех древних славянских языках, существительные выступали еще в двойственном числе. На некоторые реликты этих форм в современном языке полезно обратить внимание. Например, окончание *-а* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода: сначала формы именительного падежа двойственного числа существительных, обозначающих парные предметы, переосмыслились как формы множественного числа (ср.: *бока, рога, рукава, берега*), затем окончание *-а* стало охватывать и ряд других существительных (ср.: *дома, леса, города, доктора, профессора, учителя*). В связи с этим можно упомянуть формы *очи, уши, плечи, колени*; здесь можно еще провести сопоставление с чешским языком, где в творительном падеже сохранились исконные формы двойственного числа: *očima, ušima, rukama, pohama*.

Сложнее обстоит дело с современными сочетаниями числительных *два, две* с существительными. Говорить о форме родительного падежа единственного числа существительного исторически верно лишь отчасти, так как только в некоторых случаях перед нами действительно родительный падеж единственного числа (ср.: *две сестры < дъвь сестры* × им. пад. дв. ч.: *дъвь сестръ*). В остальных случаях это формы бывшего именительного падежа двойственного числа. Только в связи с тем, что двойственное число было утрачено,

данная форма стала осознаваться как форма родительного падежа единственного числа. Проблематику можно иллюстрировать на примерах слов мужского рода: в именительном-винительном падежах двойственного числа у подавляющего большинства этих существительных было окончание *-а*, т. е. форма совпадающая по окончанию с родительным падежом единственного числа. По аналогии эта форма постепенно распространялась и на другие типы склонения, и даже на числительные *три, четыре*. Следует здесь напомнить, что в двойственном числе здесь было ударение всегда в конце, и это сохранилось до сих пор (ср.: *два часа́, два шага́ × ждать больше часа́,, с первого шага́*). О том, что перед нами в современном русском языке не одна и та же самая форма, свидетельствуют указанные примеры (КОЛЕСОВ 2009, 204–207).

Русская парадигма не содержит, как известно, звательного падежа. В древнерусском языке звательный падеж существовал, однако в XIV–XV вв. был утрачен. Его форма употреблялась обычно в функции обращения и рано стала заменяться формой именительного падежа. Реликты типа *отче, боже, господи* считаются сейчас междометиями. В последнее время в качестве «новой» звательной формы отчасти развиваются обращения типа *Вань! мам! Коль! пап!* Вероятно, это имеет место в результате сильной редукции конечного гласного при эмфатическом акцентировании гласного основы (КРЕТОВА, СОБИННИКОВА 1987, 39–40).

В русском и чешском языках существует категория одушевленности. Здесь, конечно, следует подчеркнуть, что русский язык не имеет специальных образцов для одушевленных существительных, в отличие от чешского языка. В связи с этим полезно обратить внимание на старые формы винительного падежа, которые до сих пор живут как реликты в устойчивых словосочетаниях (ср. *поступить в лётчики, произвести в генералы, избрать в депутаты, принять в члены, выдвинуть в кандидаты* и др.).

На историческом фоне можно сопоставить формы существительных, обозначающих детенышей, в русском и чешском языках. Чешский язык более последовательно сохраняет продолжение праславянского состояния (ср.: *tele < *tele*), подобно было и в древнерусском языке (ср.: *теля < *tele*). В истории русского языка эта группа слов пережила серьезные изменения. Формы именительного падежа единственного числа начиная с XVI в. приобретали новый суффикс *-онок // -ёнок*; это вызвало переход этих существительных в категорию мужского рода, ср.: *теля, жеребья, порося > телёнок, жеребёнок, поросёнок* (ЯНОВИЧ 1986, 148).

Историческое можно также объяснить отношения между краткими и полными прилагательными. Искони между существительными и прилагательными не было никакого грамматического различия. Исходными были краткие формы, от которых образовались полные формы. Их противопоставление было сначала связано с категорией определенности-неопределенности (LEŠKA 2003, 226). Полные формы не могли выступать в функции сказуемо-

го, между тем как краткие формы могли выполнять функцию и предиката, и атрибута. О том, что краткие формы прилагательных могли выступать в роли определения и склоняться, свидетельствуют застывшие формы косвенных падежей кратких качественных прилагательных в составе наречий и наречных словосочетаний, ср.: *растереть кожу докрасна, проект вчерне готов, уходи подбру-поздорову, ходить на босу ногу, это случилось средь бела дня, от мала до велика* и др. (Янович 1986, 173).

Что касается числительных, в чешской среде часто путаются формы количественных числительных *два, две, два*. Под влиянием интерференции с чешским языком чехи в среднем роде приводят неправильную форму **две* (ср.: **две окна*). Здесь надо изложить, что в чешском языке сохранились исконные формы *dva, dvě, dvě*, как было в древнерусском языке (*два, двъ, двь*), который эти формы унаследовал от праславянского языка. Древнерусская форма *двъ* была впоследствии заменена формой *два*. Интересной может быть этимологическая справка о числительном *сорок*, заменившем исконное числительное *четыредесятъ*. Слово „сорок“ по своему происхождению является существительным со значением „рубаха“ или „мешок“. В сорок можно было вложить 40 шкурков соболей на полную шубу. Название предмета было, видимо, перенесено сначала на число этих соболей, а затем вообще отвлечено от конкретности (АЛЕКСЕЕВ 2016, 192–199; ИВАНОВ–ПОТИХА 1985, 104–106; КОЛЕСОВ 2009, 233–244). Дробные числительные образовались в древнерусском языке при помощи суффикса *-ина*, как это известно в современном чешском языке (ср.: *пятина, осмина, десятина*). Только впоследствии утвердилась форма *пятая, восьмая, десятая* (т. е. часть из целого). С исконным суффиксом *-ина* встречаемся в слове *половина*. Из древнерусского языка дошли до нас существительные *треть, четверть*. Числительные на заре исторического развития русского языка не образовали особой части речи, а вели себя или как прилагательные, или существительные. Впервые особой частью речи назвал числительные М. В. Ломоносов в своей «*Российской грамматике*» (1755).

Система глагольных форм современного русского языка характеризуется наличием черт, существенно отличающихся от древнерусской глагольной системы. Однако формы настоящего времени представляют продолжение древнерусского состояния, которое в основном никак не отличалось от ситуации в праславянском языке. Русский язык, по сравнению с чешским, сохранил исконную форму 1 лица единственного числа тематических глаголов на *-у*. В чешском языке в ряде случаев от атематических глаголов проникло окончание *-m* (ср. русск.: *знаю, делаю* × чешск.: *znám, dělám*). В связи с этим можно еще затронуть вопрос образования возвратных глаголов с помощью постфикса *-ся* и указать на то, что современная частица *-ся* является результатом превращения бывшей краткой (энклитической) формы винительного падежа возвратного местоимения (*се > ся*).

Исторически можно также толковать современные инфинитивные суффиксы *-ть*, *-ти*, *-чь*, имеющие свое начало в единственном праславянском $*ti$ ($< *tei$). Господствующий в современном русском языке суффикс *-ть* возник в результате исчезновения безударного *-и*, который оставил лишь мягкость конечного согласного *t'*, ср.: *писать*, *ходить*, *звать*. Конечное *-и* сохраняется под ударением, ср.: *нести*, *везти*, *идти*. У глагольных дериватов совершенного вида с приставкой *вы-*, перетягивающей на себя ударение, не происходит изменение этих форм, ср.: *вынести*, *вывезти*, *выйти*. Инфинитивный суффикс *-чь* восходит к древнерусскому *-чи*, ср.: *печи*, *беречи*. По своему происхождению *-чи* также восходит к праславянскому $*ti$ ($< *tei$); если основа глагола оканчивалась на заднеязычные *g*, *k*, то при образовании инфинитива появились сочетания $*gt'$, $*kt'$, которые не были свойственны славянским языкам. Изменения этих сочетаний имели своим результатом появление на их месте звука *ч*, ср.: $*pekti > печи$, $*bergti > беречи$. В связи с исчезновением конечного безударного *-и* образовались современные формы *печь*, *беречь* (MRÁZEK, POPOVA 2013, 23–24).

Интересную проблематику представляют собой непродуктивные глаголы, формы которых с синхронной точки зрения кажутся непонятными и трудно обоснованными, однако с диахронной точки зрения они являются вполне закономерными. Например, современный глагол *жать* может иметь или форму *я жму*, *ты жмёшь* (в значении „давить, стискивать, прижимать“), или *я жну*, *ты жнёшь* (в значении „срезать под корень“). Исторически речь идет на самом деле о двух глаголах: $*gem-tei$, $azь *gьm-q$, $> *žę-ti$, $*azь žь-mq > жать$, *я жму*; $*gen-tei$, $*azь gьn-q > *žę-ti$, $*azь žь-nq > жать$, *я жну*. Или современный глагол *жить*, *я живу*. Возникает вопрос, откуда взялось *в* в современных формах настоящего времени: в начальной стадии праславянского языка была форма инфинитива $*giv-tei$, форма настоящего времени $*azь giv-q$. В силу закона открытых слогов в инфинитиве исчез *v*, *g* подверглось изменению в $ž$ в силу действия первой палатализации заднеязычных, так что получилось $*ži-ti$, $*azь ži-vq > жить$, *я живу*. Из приведенных примеров следует, что с синхронной точки зрения непонятные формы и иных непродуктивных глаголов можно объяснить с помощью этимологии (MALÁ 2000, 100).

При сопоставлении форм прошедшего времени полезно обратить внимание на то, что современные чешские формы совпадают с праславянскими, а также и с древнерусскими (ср. чешск.: *psal jsem*, *psal jsi* – др.-русск.: *есмь писалъ*, *еси писалъ*). Так как в русском языке в 1-ом и во 2-ом лице стали употребляться личные местоимения, вспомогательный глагол „быть“ вышел из употребления (ср.: *я писал*, *ты писал*). Здесь полезно затронуть попутно вопрос упрощения в древнерусском языке праславянских сочетаний $*-dl-$, $*-tl-$ $> -l-$. Таким образом можно узнать, почему в чешском языке имеется *vedl*, *metl*, *mýdlo*, *sádllo*, а в русском *вёл*, *мёл*, *мыло*, *сало* (ср. праслав.: $*ve-dl'$, $*me-tl'$, $*my-dlo$, $*sa-$

-*dlo*). В современном русском языке, конечно, группы -*дл-*, -*тл-* в ряде случаев существуют. Однако это или позднейшие заимствования из иностранных языков (ср.: *повидло* „сладкая масса из протертых плодов, сваренных с сахаром или с патокой“, *заядлый* „завзятый, с увлечением отдающийся какому-нибудь занятию“), или слова и словоформы, где исконно между -*д-*, -*т-* и -*л-* стоял ъ или ь. К последнему случаю, ср.: **sědъlo*, > *седло*, **dъlina* > *длина*, **mъdъliti* > *медлить*, **тъlěti* > *тлеть*, **kotъlъ* - **kotъla* - **kotъlu* ... > *котёл* - *котла* - *котлу* ... и др. (MRÁZEK, POPOVA 2013, 19; 119–121).

У форм сослагательного наклонения следует подчеркнуть, что современные чешские формы совпадают также с древнерусскими (ср. чешск.: *přišel bych, přišel bys...*; др.-русск.: *быхъ пришьль, бы пришьль...*). Однако с XIV в. засвидетельствовано в русском языке только *бы* во всех лицах единственного и множественного числа. Таким образом, исконная аористная форма 2-го и 3-го лица глагола *быть* превратилась в частицу (АЛЕКСЕЕВ 2013, 241–247).

У неизменяемых частей речи у отдельных выражений можно давать этимологические справки, которые могут содействовать их более сознательному усвоению (ср.: *сегодня* < **sego dъne*, *завтра* < **za utra*, *потом* < **po toъь*, *кто-нибудь* < **kъto ni budi* и др.).

При изучении синтаксиса современного русского языка кажется, что не возникает необходимость в историческом комментировании его основных черт и особенностей. В связи с рассмотрением главных членов предложения напрашивается возможность сказать несколько слов о согласовании в древнерусском языке подлежащего и сказуемого по смыслу; в древнерусском языке при подлежащих, выраженных собирательными существительными, сказуемое выступало в форме множественного числа (ср.: *Рекоша дружина*). С реликтами можно встретиться в современных диалектах (ср.: *Бригада приедутъ; Вся Москва хоронили его*). В современном русском языке встречаются иногда колебания в употреблении глагола в форме единственного и множественного числа в таких случаях, как *Большинство слов склонялось // склонялись; Большая часть присутствующих не согласилась // не согласилась с докладчиком* (MRÁZEK, POPOVA 2013, 126–127).

Историческое освещение языковых фактов может содействовать лучшему пониманию и закреплению изучаемого материала. Необходимо в подходящей форме объяснить происхождение и природу данного языкового явления. Приведенные нами исторические экскурсы (мы ограничились, конечно, лишь некоторыми) представляют собой возможные способы их использования.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕКСЕЕВ, Александр В. 2016. *Историческая грамматика русского языка*. Учебник и практикум для академического бакалавриата. Москва: Юрайт.
- БЕРЕЗИН, Федор М. 1979. *История русского языкознания*. Москва: Высшая школа.
- БУСЛАЕВ, Федор И. 1941. *О преподавании отечественного языка*. Ленинград.
- ИВАНОВ, Валерий В. 1983. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Просвещение.
- ИВАНОВ, Валерий В., Потиха, Зиновий А. 1985. *Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе*. Москва: Просвещение.
- КОЛОСОВ, Владимир В. 2009. *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Издательский центр „Академия“.
- КОПЕЦКИЙ, Леонтий В. (ред.). 1979. *Орфография, пунктуация и книжно-письменная речь русского языка*. Прага: Государственное педагогическое издательство.
- КРЕТОВА, Валентина Н., Собинникова, Валентина И. 1987. *Историческое комментирование фонетики и грамматики русского языка*. Воронеж: Издательство Воронежского университета.
- ЯНОВИЧ, Елена И. 1986. *Историческая грамматика русского языка*. Минск: Издательство „Университетское“.
- ЯНОВИЧ, Елена И. 2009. *Русский язык в историческом освещении*. Минск: Белорусский государственный университет.
- LEŠKA, Oldřich. 2003. *Jazyk v strukturním pojetí. Kapitoly ze synchronní a diachronní ruštiny*. Praha: Euroslavica.
- МАЛА́, Eva. 2000. *Alternácie z aspektu diachronie (na materiáli ruských slovies)*. Banská Bystrica: Univerzita Mateja Bela.
- МРА́ZEK, Roman, ПОРОВА, Galina Vladimirovna. 2013. *Historický vývoj ruštiny*. Skriptum. Brno: Tribun EU.

Aleš Brandner

Department of Slavonic Studies

Faculty of Arts, Masaryk University

Arna Nováka 1, 602 00 Brno

Czech Republic

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-NC-ND 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as image or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.